

Источник: Знание - сила

Дата выпуска: 2008

Номер выпуска: 12

Заглавие: Антон Чехов – визит в Порт-Саид

Автор: Дмитрий Капустин

Невероятно, но факт — Антон Павлович Чехов действительно был в Африке. Возвращаясь с Сахалина в Одессу морским путем вокруг Азии на борту парохода «Петербург», писатель 29 ноября 1890 года прибыл в Порт-Саид, город строителей Суэцкого канала, и единственный раз в своей жизни ступил на африканскую землю.

Поскольку судно шло под карантинным флагом с Дальнего Востока, где тогда разразилась эпидемия холеры, оно миновало запланированные Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манилу, Мадрас и Аден, сделав лишь четыре коротких захода в иностранные порты на всем длинном маршруте. Стоянка в Порт-Саиде для пополнения топлива и провианта оказалась самой кратковременной — несколько часов. Согласно судовому журналу, «Петербург» пришвартовался в порту в 2.30 ночи, а уже в 16.30 того же дня снялся с якоря. Тем не менее пассажиры могли поутру сойти на берег и запастись впечатлениями и сувенирами.

Буквально через день после возвращения в Москву, 10 декабря, в письме собрату по перу и издателю Н.А.Лейкину Чехов написал: «На обратном пути, минуя холерную Японию, я заезжал в Гонг-Конг, Сингапур, Коломбо на Цейлоне, Порт-Саид и проч. и проч. Морской болезни я не подвержен, а потому плавание было для меня вполне благополучным». Как увидим далее, слова «и проч. и проч.» к каким-то другим портам не относятся.

Это личное свидетельство весьма важно, поскольку до сих пор в печати появляются всякие неточности и небылицы о чеховском путешествии вокруг Азии. Например, о том, что писатель посетил Константинополь и даже Японию (в которую, кстати, он очень хотел попасть, заочно любил всю жизнь эту страну, называя «чудесной страной»). Во всех письмах той поры писатель пишет «был», «заезжал», «посетил» только применительно к этим четырем городам. А о других — «глядел» на Синай, «видел» греческий архипелаг, «обедал с Дарданеллами, любовался Константинополем». Видел и любовался конечно же с борта парохода. Судя по судовому журналу, при прохождении Дарданелл и Босфора, «Петербург» сделал две короткие стоянки в ожидании очереди прохода через проливы, но высадки на турецкий берег, судя по всему, не было.

Вернувшись в Москву и отсидевшись дома, на Малой Дмитровке, после простуды, Чехов очень коротко и лаконично суммирует увиденное в письме двоюродному брату Г.М.Чехову от 29 декабря 1890 года: «Рассказать тебе о своем путешествии так же трудно, как сосчитать листья на дереве. Для этого нужно несколько вечеров. Проехал я через всю Сибирь, отмахав на лошадах 4500 верст, прожил на Сахалине 3 месяца и 3 дня, потом возвращался на пароходе Добровольного флота. Был я в Гонг-Конге, в Сингапуре, на острове Цейлоне, видел гору Синай, был в Порт-Саиде, видел острова Архипелага, откуда доставляют нам маслины, сантуринское вино и длинноносых греков, которых, кстати сказать, во всем свете, кроме Таганрога, считают большими мошенниками и невеждами; видел я Константинополь. Приходилось на пути испытать качку, всякого рода муссоны и норд-осты, но морской болезни я не подвержен и во время сильной качки ел с таким же аппетитом, как и в штить».

Следует подчеркнуть, что ко всем своим зарубежным поездкам Чехов относился как к развлекательным, туристическим, никогда не писал путевых очерков, хотя они и давали «зерна» для его творчества. Судя по письмам той поры, таким же было отношение и к путешествию вокруг Азии (исключая, конечно, Сахалин). К тому же, изначально великолепно задуманный вояж с посещением многих стран и городов «рухнул» из-за эпидемии холеры.

«Переплыл океан...»

Заход в Порт-Саид был последним на пути домой. А ему предшествовал переход через Индийский океан и Красное море. «От Цейлона безостановочно плыли 13 суток и обалдели от скуки. Жару выношу я хорошо. Красное море уныло», — написал Чехов Суворину по приезде 9 декабря.

Действительно, вахтенный журнал этих дней полон однообразных записей об уборке корабля и заботах о пассажирах. И только однажды записи прерываются неожиданным сообщением о крещении 20 ноября «младенца женского пола», родившегося накануне у Авдотьи Новоселовой, жены «бессрочно-отпускного матроса Сибирского экипажа».

И тем не менее, как представляется, эти дни были использованы писателем для работы. Дело в том, что рассказ «Гусев», первый появившейся после длительного путешествия, по собственному признанию писателя, «был зачат» на Цейлоне. Но стоянка там была всего двое с половиной суток, за это время нужно было совершить путешествие в древнюю сингальскую столицу Канди («сделал больше 100 верст по железной дороге»), а также переехать по каким-то причинам из одного отеля в другой, так что времени у Чехова особенно не было.

Между тем он приехал в Москву с почти готовым рассказом. Уже 17 декабря он сообщил Суворину, что «есть подходящий рассказ, но он длинен и узок, как сколопендра, его нужно маленько почистить и переписать». Вскоре «Гусев» был послан в «Новое время» и уже в рождественском номере, 25 декабря 1890 года, появился на свет. «Для шика», по словам Чехова, была поставлена дата: «Коломбо, 12 ноября». Но при следующих переизданиях автор снял ее, вероятно, потому, что основа рассказа была написана все-таки позднее, во время плавания, до и после Порт-Саида. К тому же будем иметь в виду, что в Москву Чехов приехал сильно простуженным и первые дни был занят своим лечением, обустройством после длительного отсутствия, семейными делами, срочными письмами, встречами с родными и друзьями — все хотели послушать его рассказы о таком долгом, необычном путешествии.

Так что, очевидно, именно тогда — «до и после Порт-Саида» — сахалинские образы, уже обретшие «плоть и кровь» в сознании автора, были наконец отображены в первом, «длинном и узком» варианте рассказа «Гусев».

В ряде современных публикаций говорится, что писатель возвращался с Сахалина очень больным, его мучили приступы удушья и кашля. Однако сам он неоднократно подчеркивал в письмах, что «чувствовал себя здоровым вполне», «ни разу не был болен». Более того, буквально накануне путешествия, в декабре 1889 года, Чехов писал: «В январе мне стукнет 30. Подлость. А настроение у меня такое, будто мне 22 года».

Конечно же молодой Антон Чехов не был здоровяком, как Гончаров или Пржевальский — его кумиры, писатели-путешественники. Сестра в своих мемуарах со слов самого Антона Павловича отмечала, что первые признаки кровохарканья у него появились еще в 24 года, в студенческом возрасте. Были они и на первом этапе поездки на Сахалин — во время плавания по Волге. Но все же морской этап вокруг Азии оказался для Чехова намного легче, чем 81-дневное (!) путешествие через Сибирь («похожее на тяжелую, затяжную болезнь»), а затем и 3-месячное пребывание на каторжном острове. Он даже купался в Индийском океане, причем, сильно рискуя и испытывая при этом, безусловно, острые ощущения. Брат Михаил так вспоминал рассказ Чехова: «С кормы парохода был спущен конец. Антон Павлович бросился с носа на всем ходу судна и должен был ухватиться за этот конец. Когда он был уже в воде, то собственными глазами увидел рыб-лоцманов и приближающуюся к ним акулу».

Эпизод с акулой, как известно, вошел в «удивительно хороший» (по словам И. Бунина) рассказ «Гусев» — покойника, завернутого в белое, сбрасывают по морской традиции в пучину, и акула, играя, подхватывает его в глубине. Завершает рассказ сочное описание поразительного по краскам заката солнца в тропиках. Этому описанию вторят и строки из письма Суворину: «Если в царстве небесном солнце заходит так же хорошо, как в Бенгальском заливе, то, смею Вас уверить, царство небесное — очень хорошая штука».

Следует подчеркнуть, что такой финал кажется весьма неожиданным для трагического рассказа. Но в этом-то и проявился парадоксальный талант писателя. По-видимому, мно-

годневное плавание по бескрайнему океану под бездонными небесами наваяло, подсказало стиль рассказа, обострив его ощущение бренности человеческой жизни под шатром роскошной и равнодушной природы...

Есть много фактов, говорящих о том, что Чехов активно общался с пассажирами и командой парохода, подружился с некоторыми из них, помогал судовому врачу (не отсюда ли «подслушанные» в лазарете диалоги в «Гусеве?»). Вот доказательство из письма А.С.Суворину: «Заболел у нас рогатый скот. По приговору доктора Щербака и Вашего покорнейшего слуги, скот убили и бросили в море». Кстати говоря, А.В.Щербак, с которым Чехов «почти подружился» и называл «замечательным человеком», состоял с писателем в довольно интенсивной переписке. Человек неординарный, он ранее воевал на Балканах, был автором нескольких книг, а затем многих ярких очерков о сахалинской ссылке, печатавшихся в газете «Новое время» (по рекомендации Антона Павловича, непосредственно Суворину). Этот талантливый человек оказался и хорошим фотографом. Его фотопластины сохранили облик Чехова во время путешествия, сохранили и лица сахалинской каторги, и ландшафты, архитектуру городов, которые посещали. К сожалению, доктор Щербак всего через четыре года умер во время очередного рейса на Дальний Восток и похоронен в Нагасаки. Ему было 48 лет.

Красным морем в Порт-Саид

19 — 20 ноября «Петербург» проследовал Аденским заливом без захода в знаменитый порт Аден, обязательный для захода судов Добровольного флота при обычных обстоятельствах. И вошел в Красное море. Чехов, кажется, использует всего лишь два слова в описании своих впечатлений на этом отрезке пути — уныло и скучно. Действительно, справа — бесконечные пески Аравийской пустыни, слева — безжизненные берега Абиссинского нагорья и далее Нубийской пустыни. Египетские пирамиды, знаменитые пороги Нила и не менее знаменитые нильские крокодилы были где-то далеко за горизонтом. Чехова почему-то не удивила чистейшая вода Красного моря, в которую не впадает ни единая река.

Однако плавание сопровождалось, по меньшей мере, одним любопытным событием. И оно зафиксировано в судовом журнале. Это — встреча с отрядом судов, на которых российский наследник престола, будущий император Николай II, совершал кругосветное плавание из Европы на Дальний Восток. На южном входе в Суэцкий канал суда стояли на рейде рядом, и экипажам была дана возможность повидаться со знакомыми и обменяться впечатлениями. Позднее фирмой Брокгауза было издано роскошное, до сих пор удивляющее своим совершенством 3-томное описание этого вояжа. Однако Чехов никогда не упоминал о факте этой встречи.

Возможно, тогда же произошел и другой случай — спасение французского судна, севшего на мель. В пересказе брата Михаила это выглядело довольно живописно: «“Петербург” по необходимости должен был остановиться и подать ему помощь. Спустили проволочный канат — перлинь, соединили его с пострадавшим судном, и, когда стали тащить, канат лопнул пополам. Его связали, прицепили снова, и французский пароход был спасен. Всю дальнейшую дорогу французы, следовавшие позади, кричали “Vive la Russie!” и играли русский гимн; и затем оба парохода разошлись, каждый поплыл своей дорогой. Каково же было разочарование потом, когда на “Петербурге” вспомнили, что забыли на радостях взыскать с французов тысячу рублей за порванный перлинь (все спасательные средства ставятся в счет спасенному), и, таким образом, эта тысяча рублей была разложена на всех подписавших протокол о спасении французского судна, в том числе и на моего брата Антона».

Некоторые чеховеды полагают, что память в данном случае подвела мемуариста-брата. Во-первых, не указано место происшествия, и, во-вторых, в судовом журнале этот эпизод никак не отмечен. Однако по обилию и точности деталей трудно предположить, что такой пересказ мог быть ошибкой памяти. Кроме того, есть и прямое указание на документ — протокол о спасении французского судна. Возможно, он до сих пор пылится в архивных томах Добровольного флота. Есть и еще одна зацепка — упоминание о том, что французы

«всю дальнейшую дорогу» следовали позади. Такое длительное плавание «гуськом» могло иметь место только в канале или на подходе к нему.

Отмечая в нескольких письмах увиденные горы Синай, Чехов в одном из писем пишет: «Глядя на Синай, я умилялся». Естественно, Чехову, сызмальства религиозно воспитанному человеку, было близко понимание этого библейского места, святого для всех православных людей. Именно здесь, на вершине горы Синайской, или, как ее называют египтяне, горы Моисея, Господь, согласно преданию, вручил будущему пророку Моисею каменные доски — Скрижали веры со знаменитыми десятью заповедями. А где-то под горой, на краю пустыни, Бог явился Моисею, пасшему овец, сквозь горящий, но не сгоравший в святом огне терновый куст (Неопалимую купину), призвав того вывести израильский народ из Египта в землю обетованную.

Судя по журналу, стоянка «Петербурга» планировалась поначалу в Суэце. Везде в судовом журнале отмечалось: «курс на Суэц» — то есть на «южные ворота» канала, со стороны Красного моря. Однако, видимо, произошло изменение, и стоянку перенесли в Порт-Саид — город у входа в канал со стороны Средиземного моря.

Вероятно, о канале Чехов многое мог почерпнуть из книги К.А. Скальковского, ученого и журналиста, печатавшегося в «Новом времени». Тот прислал писателю свой весьма информативный труд еще во время подготовки к путешествию, и он значится в знаменитом чеховском списке книг, прочитанных перед путешествием на Восток. Начальная глава как раз и посвящена экономическому значению Суэцкого канала в мировой торговле того времени.

Но почему-то о канале, прямом и узком, как стрела (тогда всего 22 метра в ширину), Чехов не пишет в своих воспоминаниях, хотя, прорытый только в 1869 году, он был тогда у всех «на слуху» и в центре политических интриг за его обладание. Но Чехова это, очевидно, никак не волнует. Проход по каналу занял около двух суток (24 — 25 ноября), и судно сразу направилось в Порт-Саид.

Порт-Саид и далее — домой

К сожалению, кроме упоминаний, Чехов не оставил описания этого молодого египетского города, зародившегося в 1859 году вместе с первым ударом лопаты наемного феллаха о песчаную почву, еще помнившей древние каналы, которые копали здесь рабы египетских фараонов и персидского царя Дария I. Этот город, его население стало строителем, а затем и слугой великого канала. А еще Порт-Саид остался в памяти людской как город Фердинанда де Лессепса, французского дипломата и ловкого дельца, энергии и ума которого хватило на то, чтобы подвигнуть политиков и «денежные мешки» на осуществление великого проекта. Между прочим, Лессепс с целью продажи акций побывал тогда и в России, в Одессе, и небезуспешно. Именно ему поначалу был поставлен памятник перед северным входом в канал, вместо оказавшейся не по карману грандиозной статуи «Египет, несущий свет в Азию», заказанной во Франции. Кстати, проект этот впоследствии перекочевал в Нью-Йорк и в несколько измененном виде стал знаменитой Статуей свободы. Любопытно, что комитет «по дарению» Статуи свободы от имени Франции возглавил все тот же Лессепс.

Великим событием для города стало пышное открытие канала для судоходства 17 ноября 1869 года, на котором присутствовали многие высокопоставленные и царственные особы Европы, в том числе брат русского царя — великий князь Михаил Николаевич, наместник на Кавказе. При нем в свите был и наш знаменитый художник И.Айвазовский, написавший несколько картин «по мотивам», в том числе и виды Суэцкого канала. Для грандиозного праздника у прославленного Джузеппе Верди была заказана опера, поставленная, однако, лишь два года спустя в Каире и ставшая всемирно известной «Аидой».

К сожалению, для нас остались неизвестными впечатления Чехова от посещения африканской земли. Какими они были и были ли вообще, мы не знаем, он не оставил своих записей по этому поводу. Но чтобы впечатления эти хотя бы косвенно представить себе, читаем описания его младшего друга и тоже великого писателя, Ивана Алексеевича Бунина.

Совершая свое путешествие по странам Востока, он шел по стопам Чехова, но в обратном направлении, посетив, в частности, Египет, Святые места, Цейлон, проплыв Красным морем и Индийским океаном. Весьма вероятно, что в годы их искренней дружбы чеховские устные воспоминания о путешествии через «светоносные страны» разожгли любопытство, вызвали интерес и способствовали решению Бунина предпринять столь неординарную «поездку».

Из Порт-Саида Чехов привез фотографии, открытки, сувениры. Год спустя, 21 ноября 1891 года, в письме редактору журнала «Север» В.А.Тихонову он писал: «Не нужно ли Вам для “Севера” “экзотических” фотографий, которые я привез из кругосветного плавания? Есть Цейлон, есть Порт-Саид, есть Суэцкий канал, есть Владивосток, кусочек Гонг-Конга, слоны, крокодилы и прочая штука. Если нужно, то привезу».

Ныне эта коллекция хранится в Литературном музее, куда ее передала из семейного архива Мария Павловна Чехова. К удивлению, почти все фотографии и открытки, относящиеся к Порт-Саиду и Египту, никогда не печатались, и сейчас, в этой публикации, мы воспроизводим их впервые. Правда, две из них — «Меняла», «Девушка с кувшином» — не имеют точного указания о месте приобретения, но трудно предположить, что они могли быть куплены в каком-либо другом порту, настолько они «порт-саидовские», то есть отвечают духу именно этого места.

И самое главное — чернильный прибор и два подсвечника «в египетском стиле». До сих пор вещи стоят на письменном столе в ялтинском доме-музее. Я полагаю, они привезены из Порт-Саида. Но есть предположения об их венецианском происхождении. Якобы он приобрел их во время поездки в Европу в следующем, 1891 году. Точных подтверждений пока нет ни у одной из этих версий, и требуются дополнительные разыскания. Но в любом случае это свидетельство того, что Чехов хранил добрую память о своем кратком визите в Африку. Из Порт-Саида до Одессы Чехову оставалась еще неделя пути. Можно было увидеть острова греческого архипелага (и даже простудиться после тропиков и Африки на уже холодных ветрах Средиземноморья), «любоваться Константинополем» с пароходной палубы, «обедать с Дарданеллами» и наблюдать прохождение Босфора.

2 декабря пароход «Петербург» пришвартовался у пристани Платоновского мола. Через три дня «обсервации», то есть карантина, «все пассажиры и бессрочно-отпускные» были «сданы» на берег. Одно из главных событий в жизни писателя, по его словам — поездка на Сахалин и вояж вокруг Азии, — завершилось.

Вечером того же дня Чехов сел на скорый поезд в Москву. С дороги он дал три телеграммы родным с просьбой обязательно встретить его. И немудрено: багаж Антона Павловича после семимесячного путешествия на Восток был впечатляющим — 21 место. Кроме того, как писал он старшему брату, «привез с собою миллион сто тысяч воспоминаний и трех замечательных зверей, именуемых мангустами». Эти любопытные зверьки, дети Цейлона, своим поведением и игривостью еще долго доставляли удовольствие (а потом и проблемы) всей семье Чеховых.

По приезде в Москву Чехов «расклеился». «Во все время путешествия я был здоров, в Архипелаге, где подул вдруг холод, я простудился и теперь кашляю, лихоражу и изображаю собою сплошной насморк», — сетовал он в письме Лейкину 10 декабря. Но продолжал обустроиваться во флигельке на Малой Дмитровке, писать письма, шлифовать «Гусева». Здесь же, во временном пристанище до переезда в Мелихово, и появились в первый раз любимые сувениры — чернильный прибор и два подсвечника «в египетском стиле». В числе немногих памятных вещей, привезенных из путешествий, они стояли на письменном столе Антона Павловича всегда — в Москве, Мелихове и Ялте.